

Виктор ЛЕГА

Pravosławny Uniwersytet im. Świętego Tichona w Moskwie

ВСЕМОГУЩ ЛИ БОГ?

ABSTRACT This paper considers the problem of God's omnipotence not in terms of logic and metaphysics, where the contradictions have always been brought to the fore, but rather, the discussion follows in the footsteps of the Church Fathers. The author notes that they perceived this issue from two different perspectives, namely: 1) God works according to His nature, and 2) God's work excludes absurdity.

Очень многие вопросы христианской апологетики и, соответственно, возражения атеизма сводятся к вопросу о существовании всемогущего существа. Например, говорят атеисты, если бы существовал всемогущий Бог, то не было бы в мире зла, не было бы законов природы, существовала бы только одна истинная религия, и т.п.

На эти замечания некоторые христиане отвечают, что да, всемогущий Бог существует, и поэтому не существует законов природы, ведь все в руках Божиих, мир сотворен за ничтожно малое время – за шесть дней, не существует свободы человека: всё предопределено.

Я не буду отвечать на все эти вопросы – это потребует слишком много времени. Мне хотелось бы показать, что понятие всемогущества, используемое в данной аргументации, не столь очевидно и требует соответствующего анализа.

Часто говорят о логической и метафизической противоречивости понятия всемогущества. Рассмотрим их.

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ

На многих этот парадокс действовал столь убеждающе, что приходилось отказываться от идеи всемогущества Бога. Так, в умах некоторых протестантских теоло-

гов возникает мысль о необходимости создания нового богословия, отрицающего божественное всемогущество. Однако все христианское вероучение основано именно на учении о всемогуществе Бога. Всемогущество есть одно из Его свойств. Например, преп. Максим Исповедник пишет: «Нелепо сомневаться относительно того, что всемогущий Бог может осуществить что-либо, когда возжелает этого» (Главы о любви 4, 4).

К парадоксу всемогущества в любой его формулировке часто обращались философы и богословы во все времена.

Как правило, этот парадокс решался в истории богословской мысли одним из двух способов. *Первый*, наиболее распространенный *способ* решения можно логически выразить следующим образом: «Бог всемогущ, и поэтому Он делает только то, что соответствует **Его сущности**». Основано это утверждение на принципиальном отличии Бога от мира, Творца от твари. Бог не зависит ни от чего, и в этом состоит Его полная свобода. Человек же является творением Божиим и поэтому зависит от многих вещей. Эта его зависимость и порождает его несвободу, когда человек не может что-либо сделать по своей немощи. Бог же, если Он не может что-либо сделать, то, наоборот, по Своему всемогуществу.

В философии такое понимание всемогущества впервые появляется в учении Платина, учившего о том, что Единое не может не творить мир. На возражение, что в таком случае Единое становится не всемогущим и несвободным, Платин отвечал: «Что касается того сомнения, может ли быть свободным существо, если оно повинуется своей природе, то мы в свою очередь спросим: разве можно считать существо зависимым тогда, когда оно ничем извне не принуждается следовать чему-либо другому? Разве существо, стремящееся к благу, находится под давлением необходимости, когда это его стремление вытекает из его собственного желания и из уверенности, что предмет его желания есть благо? Напротив, невольным бывает его удаление от блага, вынужденным бывает его стремление к тому, что не есть его благо, и быть в рабстве означает не что иное, как лишиться возможности следовать своему благу из-за подчинения какой-нибудь силе, отдаляющей от блага» (VI, 8, 4). Следуя этой же логике, блаж. Августин пишет, что Бог «правильно называется всемогущим, хотя умереть и обмануться не может. Он называется всемогущим, поскольку делает то, что хочет, и не терпит того, чего не хочет; если бы последнее случилось с Ним, Он никоим образом не был бы всемогущим. Поэтому-то нечто и невозможно для Него, что Он всемогущ. Так же точно, когда мы говорим, что мы необходимо по доброй воле желаем, когда чего-нибудь желаем, мы говорим, безусловно, истину, и этим свою добрую волю не подчиняем необходимости, которая лишает свободы» (О граде Божиим, V, 10).

Соглашается с блаж. Августином и католический средневековый богослов Фома Аквинский. В своей «Сумме теологии» он указывает, что «Бог всемогущ, поскольку Он может делать всё, что возможно в абсолютном смысле... Таким образом, все, что не подразумевает противоречия в определениях, числится среди того возможного, относительно которого Бог называется всемогущим; в то время как то, что такое противоречие подразумевает, не находится в пределах

Божественного всемогущества постольку, поскольку не имеет и не может иметь аспекта возможности» (Вопр. 25. О способности Бога. Разд. 3. Всемогуц ли Бог). Поэтому Бог не может, например, согрешить, поскольку грех противоречит святости Бога и «согрешить – значит утратить совершенство действия; следовательно, быть способным грешить – значит быть способным утрачивать совершенство действия, а это противоречит всемогуществу» (Там же).

В таком же плане решает эту проблему автор классического учебника по православному богословию митр. Макарий (Булгаков). По его мнению, «святые Отцы и учителя Церкви находили истину всемогущества Божия столь общеизвестной, что считали излишним ее доказывать»¹. На аргументы тех, кто утверждал, что Бог в таком случае, оказывается лишен возможности очень многое делать (умереть, грешить и т.п., в то время как человек это может сделать и представляется более всемогущим), митр. Макарий отвечал: «Ибо если бы Он мог умереть, или мог вредить другому, лгать и вообще грешить и быть злым, это было бы признаком не могущества в Боге, а слабости и бессилия, физического или нравственного. Бог все может, чего только хочет, и что не противно Его природе. Но умереть или перестать существовать совершенно противно Его природе, и Он хочет, по своей природе, одного только добра, и зла не желает никакого»².

Второй способ можно выразить следующим образом: «Всемогущество Бога значит, что Бог не может совершить абсурд, сделать то, что в принципе невозможно в **нашем мире**». Такой взгляд тоже развивает Фома Аквинский: «Принципы некоторых наук, например, логики, геометрии и арифметики, берутся только из формальных принципов реальных вещей, тех принципов, от которых зависит сущность вещи. Следовательно, Бог не может сделать того, что противоречило бы этим принципам: например, сделать так, ... чтобы линии, проведенные от центра к окружности, были не равны; или чтобы сумма трёх углов прямолинейного треугольника не равнялась двум прямым. Из этого следует с очевидностью также и то, что Бог не может сделать бывшее небывшим. Ибо это тоже предполагало бы противоречие» (Сумма против язычников, кн. 2, гл. 25).

Фоме Аквинскому вторит современный английский богослов и писатель К. С. Льюис: «Его всемогущество означает власть делать всё, что внутренне возможно, но не то, что внутренне невозможно. Ему можно приписывать чудеса, но не глупости. Это не полагает границ Его власти. Если вы скажете: «Бог может дать существу свободную волю и в то же время лишить его свободы воли», вы фактически ничего не сказали о Боге – бессмысленная комбинация слов не обретёт внезапно смысла потому лишь, что вы предположите ей два других слова: «Бог может». По-прежнему остаётся истинным, что для Бога нет вещей невозможных – внутренние невозможности не есть вещи, а лишь пустые места. Для Бога не более возможно, чем для Его слабейшего создания, осуществить две взаимоисключающие альтерна-

¹ Макарий (Булгаков), митр. Православно-догматическое богословие. Санкт-Петербург, 1883. С. 121.

² Там же.

тивы – не потому, что Его могущество наталкивается на препятствие, а потому, что чепуха остаётся чепухой, даже когда мы говорим её о Боге»³.

ЛОГИЧЕСКАЯ ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ

Для доказательства логической противоречивости понятия всемогущества часто приводят известный парадокс: может ли Бог сотворить столь тяжелый камень, который Сам не сможет поднять? Поскольку любой вывод: как «может», так и «не может» приводит к нелепостям, то делается вывод о том, что само существование всемогущего существа, т.е. Бога, является противоречивым. И поэтому Бога не существует.

Об этом же говорит и известнейший современный атеист Ричард Докинз: «Кстати, логики уже заметили, что всеведение и всемогущество являются взаимоисключающими качествами. Если бог всезнающ, то он уже знает о том, что он вмешается в историю и, используя всемогущество, изменит её ход. Но из этого следует, что он не может передумать и не вмешиваться, а значит, он не всемогущ. По поводу этого остроумного парадокса Карен Оуэнс сложила не менее забавный куплет:

Как бы всезнающий бог,
Прозревший грядущее, смог
Быть ещё и всевластным и передумать
То, о чём завтра был должен подумать?»⁴.

Как же решить этот парадокс? Очень часто ответ на парадокс о камне дается в такой формулировке: Да, Бог может создать такой камень, и Он уже его создал, и этот камень – человек. Ведь даже Бог не может нарушить свободную волю человека, иначе Он превратит человека в некую одушевленную машину, которая уже не будет человеком. Однако, несмотря на всю очевидную правильность этого ответа некая неудовлетворенность остается. Ведь, отвечая на вопрос, мы произвели подмену понятий: в вопросе шла речь о камне, а мы перевели разговор на человека. Парадоксальность, таким образом, решена неполно.

Однако обратим внимание, что все согласны в том, что это выражение о камне является парадоксом. Существование парадоксов известно еще с античных времен. Один из самых популярных – парадокс лжеца: «Лжец говорит: я лгу». Принято приписывать этот парадокс Эпимениду, который, будучи родом с Крита, сказал: «Все критяне лжецы». Об этом высказывании речь идет у ап. Павла: «Из них же самих один стихотворец сказал: „Критяне всегда лжецы”» (Тит 1, 12). Какова эта фраза: истинная или ложная? Невозможно ответить.

В начале 20 века известный математик и философ Бертран Рассел обратился к парадоксам, чтобы выяснить, возможно ли их решение. В результате он при-

³ *Льюис К. С.* Страдание // *Льюис К. С.* Любовь. Страдание. Надежда. Москва, 1992. С. 132.

⁴ *Докинз Р.* Бог как иллюзия. Москва, 2008. С. 113.

шел к выводу о том, что парадокс можно выразить в общем виде на языке теории множеств как следующее выражение: «Пусть K – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли K само себя в качестве элемента? Если да, то, по определению K , оно не должно быть элементом K – противоречие. Если нет – то, по определению K , оно должно быть элементом K – вновь противоречие». Для иллюстрации Рассел предложил парадокс брадобреля: «Одному деревенскому брадобрею приказали *«брить всякого, кто сам не бреется, и не брить того, кто сам бреется»*. Как он должен поступить с собой?». По этому образцу к настоящему времени придумано множество парадоксов. Например, парадокс мэра: «В одной стране вышел указ: *«Мэры всех городов должны жить не в своем городе, а в специальном Городе мэров»*. Где должен жить мэр Города мэров?». И т.п. В 30-х гг. XX в. австрийский математик Курт Гёдель, рассуждая о проблеме непротиворечивости формализованных математических теорий, предложенной Д. Гильбертом, доказал, что любая формализованная система аксиом содержит неразрешенные предположения. Поэтому Гёдель сформулировал и доказал *теорему о неполноте*: «Логическая полнота (или неполнота) любой системы аксиом не может быть доказана в рамках этой системы. Для ее доказательства или опровержения требуются дополнительные аксиомы».

Вывод из этих соображений очевиден. Никто не будет сомневаться в том, что существуют лжецы, брадобреи и мэры, несмотря на то, что использование этих понятий в определенных предложениях приводит к парадоксам. Гёдель просто доказал, что в любом языке, в том числе и в обыденном, могут возникать парадоксы, т.е. высказывания, которые невозможно доказать. Для их доказательства необходимо строить более общий язык, в котором тот язык, в котором возник парадокс, будет его частным случаем. Богословие вообще-то утверждает то же самое: Бог непознаваем, Его невозможно выразить никаким человеческим понятием. Однако когда речь заходит о понятии всемогущества, вывод о несуществовании всемогущего Бога тотчас же делается, хотя существование лжецов при этом не отрицается. Почему? К логике это не имеет отношения. Скорее, к психологии атеизма.

Таким образом, ни логические, ни метафизические рассуждения, якобы опровергающие существование Бога, не являются состоятельными. Что, собственно говоря, было понятно уже великим Отцам Церкви, и мы лишь продемонстрировали, что и новейшие популярные атеистические аргументы являются не только неправильными, но и ошибочными как с точки зрения философии, так и логики.